

ЕЛЕНА МЕЛЬНИКОВА

ЭЛЬДЕР 2

Тень за плечом

Елена Мельникова

Эльдер 2. Тень за плечом

<https://litres.ru/74572332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юлианна больше не в «золотой клетке». Только свобода в Эльдере редко приходит одна: вместе с ней всегда идёт дорога и чьё-то дыхание за спиной.

Впереди — леса, чужие города и опасный путь на север. Рядом — сестра и верный орк-проводник. А внутри Юлианны просыпается сила — чужая, опасная и слишком заметная, чтобы притворяться прежней.

Книга 2 цикла «Эльдер»

Женское приключенческое фэнтези: взрослая героиня, дорожные приключения, магия и лёгкая ирония.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Мельникова

Эльдер 2. Тень за плечом

Глава

Глава 1. «Осколки, которые говорят больше, чем целое»

Особняк спал. В пустых коридорах стояла такая тишина, что воздух казался густым и холодным. Дом выглядел спокойным и уверенным в себе.

Я вышла за несколько минут до полуночи — как раз тогда, когда в доме уже всё затихло, и время начинало играть мне на руку.

Юнона шла рядом, проявляя удивительную для девятилетнего ребёнка выдержку. Она была тиха и сосредоточена, без лишних вопросов и жалоб, демонстрируя абсолютное детское доверие, когда присутствие взрослого рядом заменяет любые гарантии безопасности. Через плечо у неё висела небольшая сумка с её маленькими сокровищами: тёплыми носками, сушёными яблоками, фигуркой лошадки и аккуратно сложенным платком. В полумраке её зелёные глаза светились решимостью, которой мне самой сейчас очень не хватало.

Большая часть наших вещей путешествовала отдельно, а

всё, что я действительно хотела взять с собой, теперь было надёжно спрятано в Потайном кармане — щедром и слишком своевременном подарке Гордея - загадочного книжника, сыгравшего в моей судьбе куда более важную роль, чем он сам когда-либо признает. На моём плече тоже висела сумка — скромная, почти неприметная, с тем, что должно быть под рукой: деньги, зелья, перевязочный материал и тёплый палантин, свёрнутый так плотно, будто я боялась, что он займёт лишнее место.

Я старалась ступать бесшумно. Не крадучись, а просто тихо. Дом знал мои шаги, я знала его. Но вампирский слух, обострившийся от адреналина до звона в ушах, превращал каждый шорох в грохот. Я слышала, как за дверью своей спальни тяжело, с присвистом, дышит повар. Как где-то внизу, в старых трубах, размеренно капает вода. Даже собственное сердце казалось слишком громким.

В коридоре пахло ночным холодом и полированным деревом. Светильники были погашены, но тьма здесь никогда не была полной — особняк не любил слепых углов.

Я шла первой, контролируя дыхание, удерживая внимание на простых вещах: расстояние, повороты, полосы тени вдоль перил. И вдруг под моей ногой что-то хрустнуло. Резко. Звонко. Как выстрел в пустоте.

Я прижала Юнону к стене ладонью — осторожно, но так, чтобы она поняла сразу, и она послушно застыла рядом. На ковре под ногой блестела мелкая крошка, как будто кто-то

прошёл здесь до нас и даже не попытался убрать следы. Медленно, почти не дыша, я присела и нащупала на ковре маленький, острый предмет.

Осколок лёг в пальцы узнаваемо — тонкий фарфор, золотой ободок из листьев, тот самый рисунок, который невозможно перепутать, даже если смотреть на него в полумраке. Это была та самая ваза, которую горничные всегда оставляли на консоли в конце коридора, и именно в неё я когда-то ставила нежные герминии, подаренные Дамиром — человеком, чьи руки должны были пахнуть садом и земной работой.

Теперь консоль стояла пустой: без вазы и без цветов.

Мысль пришла не сразу. Она сложилась из мелочей — как складываются самые неприятные выводы. Я сжала осколок в пальцах до боли. Утренний визит Гелберта. Его странная нервозность. Его резкий, почти панический вопрос: «Что вы ему сказали?!»

Я ничего не говорила виконту. За меня сказали цветы.

— Боже мой... — едва слышно прошептала я. — Как же вовремя мы уходим.

Я поднялась и осторожно взяла Юнону за руку. Она ничего не спросила. Просто крепче сжала мои пальцы, будто подтверждая: я здесь. Я готова.

У служебного выхода нас ждали.

Гелберт замер у самой двери, напоминая искусную статую, выточенную из серого камня. Его лицо оставалось маской абсолютной выдержки, скрывающей любые намёки на

истинные мысли. Он молча повернул ключ, отступил в сторону, давая нам пройти.

— Ключ в замке, — сухо произнес он. — Идите через сад, к старым виноградникам.

Я ничего не ответила. После его утренних слов о «неизлечимой болезни» просто не могла выдавить из себя ни звука.

— Никогда не возвращайтесь, — донеслось мне в спину. — Милорд не умеет проигрывать красиво. Я тоже.

До самого последнего мгновения меня терзали сомнения. Я всерьёз опасалась, что Гелберт изменит своё решение и предпочтёт устранить возникшую проблему в моём лице куда более радикальным способом. Ведь гораздо спокойнее навсегда избавиться от опасного свидетеля, чем позволить ему уйти.

Каждую секунду, пока мы пересекали порог, я ждала удара или резкого приказа остановиться.

Однако мои страхи оказались напрасными. Фигура дворецкого так и осталась неподвижной тенью в глубине сонного холла, а мы с Юноной уже жадно вдыхали этот горький, пронзительно холодный, но такой долгожданный запах свободы. Дверь закрылась, и тихий щелчок замка подвёл черту под моей карьерой экономки. Контракт с прошлым был расторгнут окончательно.

Сад встретил нас темнотой и влажной землёй. Мы шли между спящими деревьями, пока впереди не показались заросли старого виноградника. Я даже не знала, что здесь есть

выход — узкая калитка, скрытая лозами и тенью, словно её никогда не существовало для тех, кто не собирался бежать.

Там, где тени старых лоз становились особенно густыми, отделилась массивная фигура Дуба. Он возник перед нами внезапно и беззвучно, словно сама земля породила этого исполина для нашей защиты.

Только когда мы отошли от особняка и направились к таверне, Дуб негромко спросил:

— Всё хорошо?

Я молча кивнула. Внутри ещё давило — будто стены дома продолжали тянуться следом, не желая отпускать. Но под тёплым светом окон таверны это ощущение ослабло. Мрак отступил, и в груди впервые за ночь стало легче дышать.

— Рада тебя видеть, Дуб, — с чистым сердцем сказала я нашему проводнику.

— Я рад, — как всегда неопределённо ответил орк.

Дуб умел оставлять пространство для догадок и никогда не спешил их развеивать.

— Ты когда-нибудь говоришь нормально? — спросила я, и в голосе у меня впервые за ночь появилась улыбка.

— Когда надо, — спокойно отозвался орк.

— Ладно, — вздохнула я. — Значит, пока у нас «когда-нибудь».

Я ласково погладила Чернявку по тёплой шее, Юнона сразу потянулась к верному низкорослому Выюнку. Но моё внимание привлёк третий конь. Гранит.

Конь Дуба был под стать хозяину: огромный, мощный, масти тёмного камня, он казался воплощением силы и надёжности. Гранит глухо фыркнул, перебирая копытами, и я поняла: этот зверь вынесет нас из любой беды.

Мы вывели лошадей и не спеша направились к городским воротам. Ночной караул пропустил нас без лишних слов. Некоторое время мы ехали молча, не оглядываясь, и только отойдя на несколько сотен метров от города, я остановилась.

Я подтянула ремень на сумке, проверила узел поклажи, и от этого простого движения в голове стало чуть спокойнее, словно я закрепляла не только вещи, но и собственное решение. Чернявка переступила, тёплым боком толкнула меня в ладонь, и я машинально провела пальцами по её шее, успокаивая нас обеих и обернулась.

Город спал так же глубоко, как и дом виконта, — уверенный, что всё остаётся на своих местах. Ночные огни Кемара мерцали спокойно и равнодушно. Силуэты крыш, башенки, тёмные линии улиц тонули в ночи, будто и правда ничего не менялось.

Глядя на всё это, я вдруг особенно ясно поняла, сколько важного останется здесь. Именно в Кемаре я очнулась в чужом теле, училась заново ходить, дышать, привыкать к собственному отражению. Здесь до меня впервые по-настоящему дошло, что мир Эльдера — это уже моя жизнь.

Я медленно выдохнула, и пар коротко вспыхнул перед лицом, сразу растворившись в темноте. Пальцы, сжатые на по-

водьях, занемели от холода. Пришлось чуть ослабить хватку и снова собрать кожу ремня, чтобы рука слушалась без дрожи.

Я оставляла за спиной не только дом виконта с его холодными коридорами и не только Гелберта с его расчётами и угрозами — по ним я действительно не стала бы скучать. Я прощалась с теми, кто помог мне выжить: с травницей и её терпением, пахнущим горькими настоями; с книжником Гордеем — ворчливым, резким, но щедрым на знания; с хозяином таверны, где нам однажды просто дали крышу над головой, не требуя объяснений. Я прощалась с лавками, где меня узнавали, с улицами, по которым я ходила уже не как гостья, а как часть города.

Юнона подъехала ближе и коснулась моего локтя — легко, будто напоминала о присутствии здесь и сейчас, где дорога уже ждёт, а прошлое остаётся за спиной. Я накрыла её ладонь своей на секунду, и этого хватило, чтобы мысль перестала расползаться и снова собралась в шаг.

Этот город стал моим первым домом в волшебном мире. Моим испытательным сроком. Моей точкой сборки. Я знала: возвращаться сюда нельзя. Но проститься — было необходимо.

Я глубоко вдохнула холодный ночной воздух, развернулась и больше не оглядывалась.

Глава 2. «Цена верховой езды и лесные зрители»

Прошло всего три дня с тех пор, как Кемар остался поза-

ди. И если бы кто-то в моей прошлой жизни сказал, что я буду мечтать о своём офисном кресле как о высшем благе цивилизации, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. Сейчас же я была готова отдать половину золота из своего Потайного кармана за обычный мягкий стул. Или хотя бы за возможность лежать на животе, не чувствуя, как каждая мышца в теле ноет, тянется и протестует, словно я совершила против него тяжкое преступление.

Конечно, тренировки были, каждое воскресенье. Час, два — иногда три. Но это были короткие тренировки, а не день за днём в седле, от рассвета до сумерек, без пауз и поблажек. Теория и практика, как выяснилось, отличались примерно так же, как прогулка по парку и марш-бросок с полной выкладкой.

Я попыталась на секунду приподняться в стременах, как меня учили, чтобы разгрузить бёдра, и тут же поняла, что моё тело воспринимает эту идею как прямую угрозу.

— Юлли, ты снова хмуришься, — произнёс Дуб, даже не оборачиваясь.

Как он это делает? У него что, глаза на затылке?

— Я не хмуюсь, — отозвалась я, пытаюсь выпрямить спину. — Я анализирую состояние своих активов. Активы в глубоком минусе, Дуб. Мои ноги, кажется, решили, что теперь принадлежат Чернявке, а спина ведёт себя так, будто всю ночь таскала мешки с камнями, а потом ещё пыталась изящно освоить верховую езду.

Осторожно поведя плечами, попыталась снять напряжение и тут же поймала тупую, тягучую боль под кожей, поэтому просто перехватила поводья поудобнее. Где же этот легендарный запас сил? Кровь вампиров во мне течёт, а долгожданной лёгкости не прибавилось. словно мне передали права на владение огромным домом, но случайно забыли вручить ключи от самого важного помещения — того, где хранится выносливость.

— Дуб, — позвала я, не меняя темпа, — а где в моём наследстве кнопка «я в седле и мне нормально»?

— Такой кнопки не дают, — спокойно сказал он. — Это на худший случай.

— То есть моя кровь включается строго по расписанию: «сначала страдай, потом пригодишься», — пробормотала я.

— Примерно так, — отозвался орк, и по голосу я услышала: он почти улыбается.

Гранит под ним шёл мощно и ровно, словно не замечая ни веса всадника, ни тюков с поклажей.

— Тяжело в учении — легко в походе, — добавил Дуб.

— Я говорила «в бою», а не в пытке седлом! — буркнула я, перехватывая поводья.

Каждая неровность дороги отзывалась в спине и ногах с таким усердием, что вера в собственные скрытые таланты осталась где-то в легендах.

Юнона, напротив, словно расцвела. Дорога действовала на неё лучше любого лекарства. Она сидела в седле Выюнка

с таким видом, будто была создана именно для этого: глаза широко распахнуты, спина прямая, внимание — во всё сразу. Юна показывала, указывала, складывала пальцы в быстрые, точные жесты, и иногда казалось, что ей вовсе не нужны слова, чтобы быть услышанной.

Но самым странным было не это. Ещё вчера я заметила, что наш маленький отряд никогда не бывает один. Сначала это была белка — огненно-рыжая, с пушистым хвостом. Она проскакала по веткам над нами добрую милю, перепрыгивая с дерева на дерево и не сводя своих любопытных глаз-бусинок с Юны. Потом появился заяц. Он сидел прямо на тропе, шевеля ушами, и не бросился наутёк, даже когда Гранит почти наступил на его тень.

Сегодня нас сопровождала стайка мелких птиц. Они кружили над Вьюнком, то и дело пикируя к самому плечу сестры, словно надеялись расслышать её безмолвный шепот. Юнона достала из сумки остаток сухого яблока, разломил его пополам и подняла ладонь. Птицы не бросились жадно, они зависли рядом — осторожно, как возле чего-то важного. Юна показала им знак на Тихом языке: «можно», и только тогда одна синица осмелилась сесть ей на запястье.

— Дуб, — позвала я тихо, — как думаешь, не слишком ли местная фауна проявляет к нам... избыточный интерес?

Орк придержал Гранита, дожидаясь, пока я поравняюсь с ним. Он посмотрел на Юнону, которая в этот момент протягивала ладонь к любопытной синице, и его лицо стало се-

рьёзным.

— Животные чувствуют чистоту и силу без угрозы. Для них твоя сестра — как лесной родник.

Я промолчала, но внутри кольнула тревога. В мире, где за каждым необычным даром охотятся виконты и фанатики, быть «лесным родником» — это не только красиво, но и чертовски опасно.

Вечером, когда мы остановились на привал у небольшого ручья, я наконец смогла сползти с Чернявки. Ноги подогнулись, и, если бы не вовремя подставленное плечо Дуба, я бы эффектно пропахала носом весеннюю грязь. Я постояла, опираясь на него лишнюю секунду, пока мир не перестал качаться.

— Спасибо, — выдохнула я, перестав цепляясь за его кожаный доспех. — Клянусь, завтра я пойду пешком.

— Завтра ты не сможешь даже встать, если мы не разотрем твои мышцы мазью, — резонно заметил он.

Я поморщилась, признавая его правоту, и, чтобы хоть немного прийти в себя, медленно побрела к ручью. Ледяная вода обожгла пальцы так, будто решила закалить меня заодно с характером, зато в голове сразу стало яснее.

Пока Дуб занимался конями, а Юнона собирала сухие ветки, увлекаая за собой очередного ежа, я достала свой заветный Кодекс и неожиданно для себя улыбнулась.

В Кемаре я выживала. Там было не до зелий. Здесь же, под открытым небом, с живым огнём и чистой водой, во мне

наконец проснулось другое — то самое, забытое. Любопытство. Азарт. Желание создавать.

— Так, — прошептала я, расставляя на камне склянки. — Экстракт сабельника, капля магической искры для активации... и немного терпения.

Магия Кодекса вошла в резонанс с моей собственной силой, и я почувствовала, как кровь в жилах отозвалась лёгким, почти приятным покалыванием. Моё обострившееся зрение подмечало каждую искру, вспыхивающую в узком горлышке. В этом мире создание мазей было не ремеслом, а почти интимным разговором с природой.

Когда лекарство было готово, оно пахло не просто травами, а густой свежестью умытого дождём леса и чем-то острым, бодрящим, что заставляло разум проясниться.

— Дуб! — позвала я. — Иди сюда. Будем тестировать инновационный продукт.

Орк подошёл, принялся и одобрительно кивнул.

— Хороший запах. Настоящий.

Через какое-то время мы уже сидели у костра и ели густую кашу с сушёным мясом.

— Знаешь, — сказала я, глядя на танцующее пламя, — я ведь до сих пор не верю, что мы это сделали. Что мы просто... ушли.

И только теперь это начинало звучать по-настоящему. Кемар остался позади, где-то за горизонтом и тремя днями пути. Впереди был Арден, до которого нам предстояло доби-

раться ещё несколько недель, а за ним — далёкий, суровый Карзат на самой границе с миром вампиров.

— Мы просто свернули, Юли, — Дуб посмотрел на меня своим внимательным взглядом. — Раньше выбирали за тебя. Теперь — ты.

Я кивнула, чувствуя, как мазь понемногу разогревает уставшие мышцы и снимает тупую ломоту.

Огонь постепенно оседал, превращаясь из бодрого пламени в красные, сонные угли. Лес вокруг затихал, будто прислушивался к нашему дыханию и решал, можно ли нам здесь остаться до утра.

Я помогла Дубу натянуть верёвку для привязи, проверила узлы и только потом позволила себе сесть. Чернявка тихо фыркнула мне в плечо, и я машинально погладила её по морде.

Ночёвка под открытым небом оказалась странно спокойной, словно мир на время сбавил шаг и позволил дышать глубже. Мы с Юноной устроились чуть в стороне от костра — в плотных дорожных мешках с утеплением, больше похожих на коконы. Земля под спиной была твёрдой, неровной, с корнями и мелкими камнями, и всё же — настоящей. Она не притворялась мягкой и не обещала лишнего.

Юнона забралась внутрь мешка, и я подтянула шнурки, укрывая её до подбородка. Сестра зевнула, показала мне коротким жестом — здесь хорошо — и почти сразу уснула.

Я же ещё какое-то время лежала, глядя в тёмное небо, где

между ветвями деревьев проглядывали редкие звёзды. Не такие яркие, как в книжках, но настоящие.

Лес тихо жил своей жизнью: где-то хрустнула ветка, прошелестела листва, фыркнула лошадь. И ни одного звука, который означал бы опасность. Сон приходил спокойный и ровный — будто мир наконец признал нас своими и позволил просто быть, не оглядываясь, не считая шаги и не готовясь к удару.

Утро пришло мягкой прохладой и запахом влажной земли.

Я выбралась из мешка осторожно, стараясь не разбудить Юнону, и потянулась, чувствуя, как мышцы отзываются знакомой, но уже терпимой болью. Одежда после дороги выглядела соответствующе: пыль, следы травы, пятна от костра и земли.

— Ну что ж, — пробормотала я тихо. — Пора вспомнить хорошие манеры.

— У дороги манеры простые, — отозвался Дуб, не поднимая головы от котелка. — Встал, умылся, поел, поехал.

— Ты сейчас описал мечту любой взрослой женщины, — фыркнула я.

Заклинание Чистоты отозвалось сразу. Тёплая волна пробежала по ворсу, уничтожая дорожную пыль и следы усталости. В воздухе вокруг меня вспыхнули крошечные искорки — мягкое, золотистое сияние, которое медленно таяло в утреннем тумане. В этом была вся суть Гордея: даже самое

простое заклинание он превращал в маленькое произведение искусства, приправленное его ворчливой заботой.

Глядя на эти угасающие звезды, я почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке.

— Доброе утро, Гордей, — прошептала я в пустоту, хотя знала, что он меня не услышит.

Каждый раз, когда искорки вспыхивали, я вспоминала его: ворчливого, язвительного, внимательного до занудства. Его взгляд поверх очков, его «непутёвая» и то, как он, не говоря лишнего, просто давал мне полезный инструмент.

Искорки почти погасли. Одежда была чистой и тёплой, будто её только что сняли с полки, а не с дороги длиной в несколько дней.

Я повернулась к костру — Дуб уже заканчивал с завтраком, а Юнона как раз выбиралась из мешка, растрёпанная, сонная и счастливая. Она посмотрела на искры, задержавшиеся в воздухе, и её глаза вспыхнули радостью.

Мы собрались без суеты.

Юнона привычно забралась на Выюнка, Дуб проверил подпруги и поклажу, я устроилась в седле Чернявки, стараясь не думать о том, как отзовется тело через пару часов. Лошади двинулись с места мягко, будто и они чувствовали: торопиться некуда, главное — держать ритм.

Мягкий перестук копыт по влажной почве и едва слышный скрип кожаной сбруи быстро стали единственными звуками, нарушавшими утреннюю тишину. Я закрыла глаза,

позволяя телу подстроиться под мерное покачивание Чернявки. С каждым шагом лошади городское прошлое, полное интриг и каменных стен, словно вымывалось из мыслей, сменяясь чистым запахом хвои и прелой листвы. Мы медленно углублялись в тишину леса, и я кожей чувствовала, как меняется плотность воздуха, становясь прохладнее и свежее.

Лес вокруг был... правильный.

Не тот древний, первобытный, где ветви цепляются за одежду, корни норовят вывернуть лодыжку, а тропа исчезает после каждого поворота. Здесь можно было ехать верхом. Дорога не была трактом, но путь читался легко: примятая трава, вытоптанная земля, редкие следы колёс и копыт. Деревья стояли на расстоянии, позволяя свету свободно проливаться вниз. Где-то мелькали прогалины, где-то тропа сужалась, но не исчезала.

Это был лес, через который ходят. Не часто — но достаточно, чтобы он помнил людей.

Я ловила себя на том, что смотрю по сторонам с интересом. Ветер перебирал запахи леса, поднося то влажную кору, то мох, то терпкую зелень, где-то в стороне перекликались птицы, и дорога тянулась вперёд мягко, без резких поворотов, без ощущения погони. До этого я почти всегда двигалась от точки к точке, думая о результате. Сейчас же дорога стала процессом. Телесным, упрямым, настоящим.

— Хороший лес, — произнесла я вслух, скорее для себя. Дуб в ответ только кивнул, а Юнона, обернувшись, быстро

показала: широкий, дышит. Я невольно улыбнулась, потому что она чувствовала это яснее и тоньше меня.

Я знала: впереди будут и плохие леса, и ночи под дождём, и места, где дорога станет узкой и опасной. Но сейчас... сейчас путь позволял идти.

К полудню Дуб всё-таки поднял руку, давая знак остановиться.

Я сначала хотела возразить — дорога шла легко, тело, как ни странно, притерпелось, — но стоило спешиться, как ноги сразу напомнили, что они всё ещё смертельно обижены на меня за седло.

Лошадей вывели к небольшой поляне. Трава там была мягкая, сочная, ручей — неглубокий, с прозрачной, ледяной водой. Чернявка благодарно фыркнула и тут же уткнулась мордой в раннюю зелень. Вьюнок последовал её примеру с деловитым усердием. Гранит же просто стоял, как валун с ногами, пока Дуб не снял с него поклажу.

— Лошадям нужен ритм, — сказал он, будто отвечая на невысказанный вопрос. — И нам тоже.

Я опустилась на поваленное бревно, вытянула ноги и с тихим стоном признала поражение.

Юнона тем временем уже успела сползти к краю поляны и присела на корточки, уставившись куда-то под куст.

— Опять там кто-то есть, — сказала я с лёгким недоумением.

— У неё всегда там кто-то есть, — отозвался Дуб.

Покачав головой, достала еду, разломала лепёшку, откусила и только тогда поняла, что именно сейчас — самое подходящее время задать вопросы, которые копились с самого утра.

— Дуб, — начала я как можно нейтральнее.

Он насторожился сразу, будто по голосу понял, к чему я веду.

— Ты видел вампиров?

Орк медленно повернул ко мне голову и посмотрел очень внимательно.

— Видел.

— Часто?

— Достаточно.

Я прищурилась.

— И?

— И что?

Вот за это мне иногда особенно хотелось его стукнуть — нежно, конечно, но от души.

— Какие они? — уточнила я, уже без дипломатии. — Страшные? Холодные? С клыками наперевес? Или, может, ходят в чёрных плащах и драматично смотрят вдаль?

Дуб и правда задумался.

— Смотрят вдаль — да.

— Вот! — я ткнула в него лепёшкой. — Я так и знала.

— Но плащи не всегда чёрные, — едва заметно дёрнул он уголком рта.

— Дуб!

Он пожал плечами — массивно, как умеют только орки.

— Вампиры разные. Как люди. Только проблем от них обычно больше.

— Успокоил, — буркнула я. — Прямо камень с души.

— И не собирался.

Я вздохнула, уставилась на ручей, потом снова на него.

— Ты понимаешь, что я иду туда?

— Понимаю.

— И всё равно говоришь загадками.

— Потому что ты злишься, — спокойно ответил он. — Не от страха. От интереса. А он редко помогает думать.

Я открыла рот, закрыла, потом фыркнула.

— Ты невозможный.

— Я орк.

С этим было сложно спорить.

Юнона тем временем протянула ладонь, и из-под куста показался ёж. Не весь сразу, конечно, а по частям: сначала нос, потом глаза, потом колючее недоверие целиком. Он осторожно втянул воздух, потоптался на месте и, решив, что мир пока не собирается его обижать, подошёл ближе.

Юна что-то показала ему на Тихом языке — медленно, с той серьёзностью, с какой она всегда разговаривала с лесом и всем, что в нём жило. Ёж внимательно смотрел на неё, потом, кажется, моргнул и с удивительным достоинством унёс кусочек лепёшки в траву, будто это была не лепёшка, а чест-

но заслуженный трофей.

— Видишь? — сказала я, глядя на сестру. — Вот как надо общаться. Прямо и без загадок.

— Он не спрашивал про вампиров, — заметил Дуб.

Я лишь закатила глаза.

Лес дышал вокруг ровно и спокойно, будто давая нам передышку. Я чувствовала, как внутри постепенно укладывается тревога — не исчезает, нет, просто перестаёт дёргаться.

Я не знала, какие вампиры ждут меня впереди. Но знала одно: если уж идти — то с вопросами, злостью и чувством юмора.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.